

В эфире

Я взял молчанье, тишину в эфире,
Теперь меня не слышно никому.
Спокойно посижу в своей квартире,
Смирение дано мне одному.

В сети воюют и кричат поэты,
А я пишу больные, но стихи.

Понятно мне, где мухи и котлеты,
И ясно мне, где дѹхи и духи́.

Сегодня

Во дворе белый запах мороза.
Наберу два ведѣрка угля
И начну новый день с Берлиоза
У печи посреди февраля.

Растоплю я кедровую баню,
Приготовлю я ужин жене
И стихи о любви ей сварганю,
Вот что близко и дорого мне.

В подземной колыбели тишина,
Ползѣт змеѣю ленточный конвейер.
Мужская дружба здесь всегда сильна,
Прохладой внеземной по шахте веет.
Проходчик знает, знает каждый ГРОЗ,
Что шахтная вселенная мгновенна.
По квершлагу плывѣт дизелевоз.
И подвигів история бесценна.

Летом...

Летом в шахте так же, как зимой:
Тот же воздух, почва, та же кровля,

Бригадир такой же деловой!
Думает, что все ему неровня.

А проходчик так же устаёт,
Но глядит на всё он с оптимизмом,
Девушку любую украдёт,
Обладая бешеной харизмой.

Летом в шахте так же солнца нет,
И вода в забое ледяная,
Но шахтёр несёт жене букет,
Бригадира матом вспоминая.

На сонный берег января
Упала ночь, звезду ругая...
Любви сорвались якоря,
Чужая ты, совсем другая.

Как будто талая вода,
Прошепчешь мне слова: Good morning.
И уплываешь в навсегда,
В страну разрушенных гармоний.

Моя любовь замёрзла у реки,
И чувства зябкие – фарфоровые узы.
А через душу проплывают сквозняки,
Но жалят сердце мне как будто бы медузы.

Мосты зевают, и не спит Нева.
Хрустальный ветер прозвенел и в небе скрылся.
Я перед ней в трёх бедах виноват:
Недолюбил, не позабыл, не спохватился.

Под одеяло хочется твоё...
Холодный ветер с запахом Байкала.
И дождь иркутский больше не поёт.
«Иди ко мне», – тихонько ты сказала.

Неровный свет укутал тишину.
Твоё дыхание ловлю губами.
Под одеялом я твоим уснул,
И шёпот наших тел плывёт меж нами.

Удалила меня из Сети.
Что я, зуб больной, жуткая опухоль?
Я заложник шахтёрской клетки,
Ты – заложница странной эпохи. Хоть

Расскажи, с кем живёшь вопреки?
С кем встречаешь снега белой осени?
Удалила меня. Свет руки
Твой погас. И хрипит двухголосие.

Холодная постель

Холодная постель – равнина без любви.
Цветы погасли снов и ягоды эротик.
Я приобрёл грехи, конечно, на свои.
Ухаживал. Терпел следы твоих экзотик.

По-прежнему в тебе нет дыма без огня,
И полуфразы слёз мне говорят об этом.
Холодная постель укутает меня,
Но, жаль, моя любовь останется раздета.

Полторы минуты

Ещё минуты полторы – и кончится весна.
Июнь не промолчит о том, что бросила меня ты.
Закончилась любовь. Пусты бокалы. Нет вина.
Твой запах на моих губах – как лёд со вкусом мяты.

Но ты была! Ты здесь спала. И без тебя никак.
Рычит в квартире тишина, и тлеет сигарета.
Я помню твой последний свет и твой последний шаг.
Переступив меня, ушла ты за границу лета.

От меня ушла жена,
Пироги, пельмени – с нею.
За окном моим луна
Стала чуточку стройнее.

Невлюбил я тишину,
Голодание, похмелье.
Всё же я верну жену
После виски в понедельник.

Чужое лето

Мне про тебя стихи писать нельзя,
Твои глаза и имя под запретом.
И сердце мне твоё с собой не взять,
Ведь я же не хирург, чтоб сделать это.

Вернусь в свою никчёмную дыру,
Работа, дом и паутина стресса.
Но скрою от друзей и от подруг,
Что целовался с лучшей поэтессой.

Часы на башне за твоим окном
Мне говорят, что ты – чужое лето.
Курила сигарету, пил вино,
И ночь впадала в ручеёк рассвета.

Несерьёзная

Ты сказала, прикрыв губки пальчиком:
«Тише, тише, давай без любви.
Не зови меня деточкой, зайчиком
И котёнком меня не зови».

Я наполнил твоё сердце звёздами,
Поцелуй ловя на лету.

Почему ты со мной несерьёзная?
В баловстве я твоём пропаду.

Я шатаюсь по городу пьяным.
Серый воздух. В Кольчугине – осень.
Отшумели в подъездах баяны
Или не было их там вовсе.

На аллее Шахтёрской славы
Надо мною смеются дети,
Я старался для них быть забавным,
Перегаром своим не задеть их.

Выхожу на дорогу я смелым,
И воздушна моя походка...
Гул. Авто. Тормоза. Я целый.
Жалко очень: разбилась водка.